ЭССЕ

Тимофеев Владимир Иванович, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры коммуникационных технологий, Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия; e-mail: Timvlad-60@yandex.ru

ЦЕНЗУРА ВОЕННОЙ ПЕЧАТИ В ПЕРИОД ВОЙНЫ В АФГАНИСТАНЕ

Статья посвящена проблеме цензурных запретов, действовавших в Советском Союзе в 80-е гг. прошлого века. Тогда в Афганистане находился ограниченный контингент советских войск, шла война, о которой СМИ писали скупо и однобоко, что объяснялось наличием системы цензуры, которая в Советском Союзе выполняла специфическую контрольно-запретительную функцию. В статье рассмотрена иерархия уровней цензуры тех лет, охарактеризованы особенности их действий по контролю за содержанием контента, дозированному освещению событий, связанных с пребыванием в Афганистане контингента советских войск, его участием в боевых действиях. Исследованы порядок принятия и содержание документальных источников цензурных запретов, соблюдение которых было обязательным требованием для СМИ. Установлено, что под влиянием происходивших в стране политических перемен они имели тенденцию к некоторому послаблению, однако продолжали обеспечивать политико-идеологический контроль за тематикой и содержанием СМИ, что выражалось в ограничениях на распространение полной и достоверной информации о событиях в Афганистане. В исследовании задействованы личные наблюдения автора, который неоднократно бывал в Афганистане в качестве корреспондента газеты Туркестанского военного округа «Фрунзевец».

Ключевые слова: *цензура, цензурные запреты, война в Афганистане, военные корреспонденты.*

Vladimir I. Timofeev, Doctor of Political Science, Associate Professor, Professor at the Chair of Communication Technologies, Moscow State Linguistic University; e-mail: Timvlad-60@yandex.ru

CENSORSHIP OF THE MILITARY PRESS DURING THE WAR IN AFGHANISTAN

This paper deals with the issue of the censorship bans operating in the Soviet Union in the 1980s. At that time, a limited contingent of Soviet troops was deployed in Afghanistan, and the ongoing war was covered in mass media in a laconic and biased manner. To a great extent, it was so because of the Soviet censorship system

performing a controlling and prohibitive function. The paper considers the hierarchy of censorship levels, characterizes their role in the control over media content and in measured coverage of events related to the deployment of the contingent of Soviet troops in Afghanistan and its participation in combat action. The author of the paper examines the documentation sources of the censorship bans mass media were obliged to comply with. It is found that under the influence of political changes in the country these bans tended to be relaxed, yet they ensured political and ideological control over media themes and content, which manifested itself in restrictions on distributing full and reliable information about the events in Afghanistan. In order to achieve the aim of the study, the author uses his personal observations as he repeatedly went to Afghanistan as a correspondent of Frunzevets, a newspaper of the Turkestan Military District. This fact makes it possible to demonstrate not only the practice of censoring the military press but also the ways war correspondents got around the censorship bans.

Key words: *censorship, censorship bans, war in Afghanistan, war correspondents.*

DOI: 10.30547/vestnik.journ.2.2019.173194

Введение

Закрепление в Конституции Российской Федерации нормы о запрете цензуры (ч. 5, ст. 29) отнюдь не убавило интереса исследователей к этой проблеме. Цензура как социальный институт продолжает привлекать внимание ученых, хотя исследована с разных точек зрения (в качестве авторов выступают историки, философы, юристы, филологи, социологи, культурологи) и в разные периоды (царский, советский, российский). Анализ литературы в различных предметных областях дает основание утверждать, что цензура периода войны в Афганистане осталась за рамками внимания исследователей и пока не получила всестороннего осмысления. Единственной попыткой хоть как-то обозначить этот вопрос можно считать несколько страниц в монографии доктора исторических наук А. В. Козлова «История советской военной журналистики (1945–1991 гг.)» (2007: 225–232).

Нашей целью является выявление и описание особенностей действия всех уровней цензуры при освещении в СМИ войны в Афганистане.

В качестве теоретической основы исследования взяты пять базисных уровней цензуры, которые выявил и обосновал в своих работах авторитетный исследователь отечественной цензуры А. В. Блюм. К таковым относятся: идеологическая цензура, осуществляемая партийным руководством; цензура органов тайной политической полиции; контроль Главлита; редакторская цензура и

самоцензура (2000: 14–22). Автор полагает, что такой подход позволяет сохранить единый вектор изучения цензуры как социального явления.

В качестве основных методов исследования нами определены источниковедческий анализ и наблюдение. Источниковедческий анализ позволяет не только представить обзор документальных источников цензуры, раскрыть механизм их действия, но и достоверно воссоздать идеологическую обстановку, в которой работали журналисты. Следует отметить, что обращение к источниковедческому анализу при изучении цензуры – давняя и прочная научная традиция, которой следовали В. О. Бондарь (2012), Н. А. Гринченко (2001), Г. В. Жирков (2001), Д. В. Иванов (2000), И. Е. Левченко (2014), М. К. Лемке (2011), Л. М. Макушин (2009), П. С. Рейфман (2015), Н. А. Энгельгардт (1904) и другие.

Наблюдение как метод сбора и осмысления фактов социальной действительности позволило автору проанализировать работу органов цензуры, с одной стороны, и усилия военных корреспондентов по освещению событий афганской войны в условиях действующих цензурных норм – с другой. Надо сказать, что наблюдение в качестве метода сбора информации также востребовано не одним поколением исследователей. Это традиция, истоки которой лежат в работах Д. Баландина (1911), К. В. Масягина (2008), В. И. Немировича-Данченко (1879), М. П. Погодина (1874), Е. М. Феоктистова (1929) и других.

Волею судеб автор этих заметок после окончания факультета журналистики Львовского высшего военно-политического училища с августа 1982 по август 1989 г. проходил службу в должности корреспондента-организатора газеты Туркестанского военного округа «Фрунзевец». Семь лет – достаточно большой срок, чтобы накопить собственные наблюдения и вникнуть в проблему.

40-я общевойсковая армия, составлявшая ядро ограниченного контингента советских войск в Афганистане, находилась в оперативном подчинении Туркестанского военного округа, и окружная газета, естественно, освещала ее боевые будни. Для этого использовались письма внештатных военкоров и специальные командировки сотрудников газеты в Афганистан. Так, автор, выполняя задания редакции, одиннадцать раз побывал, как тогда говорили, «за речкой», написал сотни разножанровых материалов по афганской тематике, каждый из которых прошел через сито цензуры.

Новизна исследования заключается в том, что впервые рассматривается иерархия цензурных органов в 1980-е гг. и содержание цензурных запретов относительно освещения в СМИ войны в Афганистане; показаны приемы обхода цензурных требований, которые использовали военные журналисты.

В свете идеологических указаний Старой площади

Для нашей работы особый интерес представляет цензура верхнего уровня, то есть, по Блюму, *идеологическая цензура партийного руководства*, политические установки которой мотивировали диктат всех структурных звеньев цензуры. Ее осуществляли центральные органы единственной в то время Коммунистической партии Советского Союза. По мнению Т. М. Горяевой, партия сконцентрировала в своих руках контрольно-регулирующую и идеологическую функции, «оставив за государственными цензурными органами проведение последующего контроля» (2009: 348).

Особо отметим, что в отношении афганских событий цензура верхнего политического уровня осуществлялась буквально с первых дней ввода наших войск. На этот счет имеется соответствующий документ – «О пропагандистском обеспечении нашей акции в отношении Афганистана» (подробнее см.: Тимофеев, 2018). В числе других документов, связанных с введением советских войск в Афганистан, он содержался в «Особой папке» как «Приложение № 6», был рассмотрен и одобрен в рамках выработки официальной позиции на заседании Политбюро ЦК КПСС от 27 декабря 1979 г.

Именно этот документ, очертив рамки политкорректного освещения афганских событий накануне Олимпиады–80, действовал все годы пребывания ограниченного контингента наших войск в Афганистане и гарантировал идеологически выдержанную тональность прессы. Он не изменялся и не дополнялся, даже когда стало ясно, что наша гуманитарно-интернациональная миссия на афганской земле подразумевает участие войск в боевых действиях и, как следствие, боевые потери.

В середине 1985 г., когда был взят курс на вывод войск из Афганистана и решение афганской проблемы политическим путем, высшее партийное руководство страны пришло к выводу о необходимости несколько ослабить тиски цензуры. Тогда в «Особой папке» появилась секретная записка отдела внешнеполитической

пропаганды (Л. Замятин) и отдела административных органов (Н. Савинкин) ЦК КПСС «О публикациях в средствах массовой информации материалов относительно действий ограниченного контингента советских войск в Афганистане». В ней сообщалось о проработке Министерством обороны, Министерством иностранных дел и КГБ перечня сведений, «разрешаемых к открытому опубликованию, относительно действий ограниченного контингента советских войск на территории Демократической Республики Афганистан». Говорилось, что «отделы ЦК КПСС считают возможным согласиться с этим перечнем и поручить средствам массовой информации руководствоваться им при освещении вопросов, связанных с пребыванием советских войск в Афганистане».

К записке прилагался документ, завизированный руководителями трех силовых ведомств государства: Министерства обороны (С. Ахромеев), Министерства иностранных дел (Г. Корниенко) и КГБ (В. Крючков), в котором излагалась их согласованная позиция в отношении событий в Афганистане и освещения их в СМИ. С этого момента разрешалось показывать «организацию и ход боевой подготовки, размещение во временных городках воинских частей, их повседневную деятельность, проведение совместно с подразделениями ВС ДРА тактических учений в масштабе не выше батальона; посещение советских частей руководителями партии и правительства ДРА, другими афганскими делегациями и проведение мероприятий партийно-политического характера и культурно-массовой работы; награждение советских военнослужащих без показа их конкретной боевой деятельности, послужившей основанием для награждения; привлечение летательных аппаратов и автотранспорта для перевозок грузов местному населению и выделение боевых подразделений для сопровождения колонн и охраны отдельных строящихся объектов; наличие и работу советских военных специалистов по оказанию помощи афганским военнослужащим в освоении поставляемой боевой техники; применение одиночными советскими военнослужащими, отделениями (экипажами, расчетами) и взводами штатного вооружения в целях самообороны при нападении на них мятежников в ходе занятий и учений, в период передвижения и патрулирования, при выполнении других повседневных задач, охране и обороне своих и совместно с воинами ДРА афганских объектов, разминировании, доставке грузов, сопровождении транспортных колонн, проведении повседневных полетов боевых вертолетов и самоле-

тов; отдельные единичные факты (не более одного в месяц) ранений или гибели советских военнослужащих при исполнении воинского долга, отражении нападения мятежников, выполнения заданий, связанных с оказанием интернациональной помощи афганскому народу; строительство, эксплуатацию, вооруженную охрану и оборону трубопровода, построенного советскими подразделениями, и их повседневную деятельность; работу советского военного госпиталя по оказанию врачебной медицинской помощи местному населению, раненым афганским и поступившим на излечение советским военнослужащим; присвоение советским военнослужащим звания Герой Советского Союза с показом их мужества и героизма, проявленных при оказании интернациональной помощи ДРА, без приведения сведений об участии подразделений и частей, где они служили, в боевых действиях» (Ляховский, 1995: 296–298).

По большому счету послабления носили поверхностный характер и не повлекли серьезных изменений в работе цензурных органов. Так, публикация любой информации по-прежнему разрешалась только по согласованию с органами военной цензуры. Обнародование информации об участии советских войск в боевых действиях однозначно оставалось под запретом. Как видно из документа, освещать в печати можно быть только отдельные боевые эпизоды с участием одиночных военнослужащих, отделений (расчетов, экипажей), взводов. Но реальность-то была другой... Во время пребывания на земле Афганистана ограниченный контингент все больше втягивался в системную борьбу с отрядами вооруженной оппозиции, включая проведение масштабных армейских операций. Тем не менее на показ истинного размаха боевых действий не могла претендовать даже центральная партийная печать.

И все-таки появление данного документа говорит о заинтересованности партийно-государственных структур в послаблении жестких требований цензуры. Надо полагать, что это было связано с социально-политическими процессами, которые происходили внутри государства. Чтобы реализовать открывшиеся возможности, журналистам следовало научиться искусству согласования подготовленных материалов с органами военной цензуры, как того требовал перечень.

Обратим внимание на закрытость приведенных выше документов, обеспеченную грифом секретности «Совершенно секретно». Такой подход находился в русле многолетней традиции советской

политической цензуры, не обеспеченной законодательно. Цензурная политика строилась не на нормах закона, а на специфических источниках цензурных запретов, часто недоступных в оригинале даже исполнителям. Так, круг посвященных в полное содержание того же приложения № 6 был весьма ограничен. Основные тезисы документа до непосредственных исполнителей – редакторов, журналистов – доводились устно, на закрытых совещаниях, но выполнялись они, надо сказать, безукоризненно.

От «охранки» – до Лубянки

Такой уровень цензуры, как цензура органов тайной политической полиции, на наш взгляд, требует некоторой корректировки. Дело в том, что подобного органа в 80-е годы прошлого века в стране не существовало. По всей видимости, образование столь грозной структуры относится к периоду пресловутого Третьего отделения, прозванного в народе «охранкой» и ассоциирующегося с личностью А. Х. Бенкендорфа (1783–1844). В свое время это ведомство действительно проводило активную цензурную политику, направленную на незыблемость самодержавия и отстаивание интересов России в публичном пространстве.

В нашем случае цензуру тайной политической полиции можно трактовать как некий обобщенный образ, предполагающий наличие структур с соответствующими полномочиями в недрах органов, отвечающих за политическую и общественную безопасность государства и общества. Так, отдел политконтроля имело в своем составе ОГПУ/НКВД/МГБ. Применительно к 1980-м гг. правомерно вести речь об идеологических установках и запретах, которые исходили из КГБ, в частности его Пятого (идеологического) управления[1]. В оригинале они до нас не доводились (все-таки мы служили в другом силовом ведомстве), а интерпретировались в письмах главного военного цензора или в профилактических выступлениях офицеров органов военной цензуры перед коллективом редакции. О каких запретах идет речь?

Во-первых, налагался запрет на упоминание в печати многих деятелей культуры и их произведений. В рабочей тетради, которую я вел, посещая служебные совещания и редакционные летучки, сохранились краткие, но весьма красноречивые записи.

Вот, к примеру, мои пометки в ходе выступления представителя цензуры Генерального штаба перед редакционным коллективом

14 февраля 1983 г. (записи даются с соблюдением стиля изложения): «Исключить всякое упоминание о лишенных советского гражданства П. Григоренко, Г. Вишневской, В. Корчном, О. Рабине, М. Ростроповиче, С. Лозовском, А. Солженицыне. Изъять – В. Аксенова, В. Войновича, А. Зиновьева, Л. Копелева, В. Максимова, Ю. Любимова, А. Солженицына. Рецензии на фильм «ТАСС уполномочен заявить» – только с ведома КГБ; нельзя писать о партизанском отряде Д. Медведева, разведчике Н. Кузнецове».

Вполне допускаю, что записаны были не все фамилии. Скорее всего, цензор Генштаба лишь напоминал журналистам указания высших цензурных органов в отношении людей, эмигрировавших из страны. Естественно, что такие указания адресовались не только средствам массовой информации, но и библиотекам, музеям, архивам, в общем – тем структурам, которые несли бремя партийно-идеологической работы. Доводились они, как видим, не в виде официального документа высшего политического или государственного органа, а под запись – через устное выступление представителя из Москвы, что в целом отражало характер цензурного процесса в советский период.

Во-вторых, предписания касались подразделений с условными наименованиями «Каскад», «Зенит», «Кобальт», «Омега», «Тибет» и др., действовавших в Афганистане. Любая информация о них была под строжайшим запретом, хотя об их существовании мы, конечно, знали. Создавались они под патронажем КГБ или МВД для борьбы с бандитизмом и обучения специалистов из аналогичных органов Афганистана (ХАД[2], царандоя[3]) методам спецработы с местным населением. Говоря другими словами, для выявления пособников мятежников среди местного населения, или, как это тогда называлось, контрреволюционного подполья, работы с агентурой и проведения спецмероприятий против душманов. Бывая в командировках, мы не раз встречались с мужественными представителями «Каскада» и других отрядов, но не то что писать, а даже заводить с ними знакомство решались не всегда.

В-третьих, запрет касался участия в боевых действиях пограничных войск. Дело в том, что по периметру афгано-советской границы на территории Афганистана были размещены мотоманевренные группы погранвойск, которые прикрывали подступы к госграницe. Ведь вполне могло случиться, что лидеры бандформирований попытались бы перенести боевые действия на террито-

рию Советского Союза. Но этого не произошло, потому что пограничники встречали душманов на дальних подступах, контролировали ущелья, примыкающие к госграницe с афганской стороны. Вот только говорить об этом публично не разрешалось, считалось, что зеленые фуражки несут службу исключительно на территории среднеазиатских республик бывшего СССР.

В-четвертых, под запретом, наряду с песнями М. Звездинского, В. Токарева, М. Шуфутинского, оказались самодеятельные песни об афганской войне. Кто был инициатором этого нелепого запрета – неизвестно, но его выполнение вменялось не только средствам массовой информации, но и таможне. При возвращении в Союз каждый офицер и солдат подвергался обязательной проверке на наличие запрещенного аудиоматериала. Естественно, в печати, на радио и телевидении существовало строгое табу на публикацию и трансляцию неугодных власти песен.

Официальное признание песенное творчество афганцев получило только с началом вывода наших войск: весной 1987 г. в Кабуле состоялся первый слет молодых самодеятельных поэтов из ограниченного контингента. В его организации приняла участие и наша газета. С той поры афганские стихи и тексты песен постоянно печатались на страницах «Фрунзевца», а усилиями сотрудников редакции увидел свет первый поэтический сборник самобытных авторов, отпечатанный в редакционной типографии. Для этого была проделана огромная работа, собраны десятки магнитофонных кассет, расшифрованы даже полустертые записи. Первый тираж был направлен в Афганистан. Ему предшествовало революционное по тем временам указание политического управления округа: «Командирам, политработникам, партийному, комсомольскому и идеологическому активу рекомендуется использовать яркие, от души идущие поэтические материалы в своей работе по героико-патриотическому и интернациональному воспитанию воинов».

Таким образом, цензурные требования спецслужб носили многополярный характер: от «исключить упоминание» имен лишенных советского гражданства представителей творческой интеллигенции до запрета самодеятельных песен об афганской войне. Безусловно, ничего общего с обеспечением военной безопасности государства они не имели, а диктовались сугубо идеологическими предубеждениями.

Военные цензоры: свои среди чужих

Цензура Главлита, конечно, была, но нас она касалась в меньшей степени. Прерогативой главного цензурного ведомства, имевшего статус государственного комитета, директивные указания которого являлись обязательными для всех министерств, организаций, органов печати, была выработка концептуальных цензурных положений, контроль за выполнением которых осуществляли подведомственные управления и отделы. Одно из подразделений Главлита, как правило первый отдел, курировало разработку положений, определявших рамки военной тайны.

Данному органу, хотя и созданному для решения цензурных задач, хватало забот и без нас: военная тема в советской стране всегда была на подъеме, и сидеть без дела цензорам не приходилось. Уместнее говорить о *военной цензуре*, которая к нам, военным корреспондентам, имела самое непосредственное отношение.

Руководством для военных цензоров в тот период служил «Перечень сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, передачах по радио и телевидению», введенный в действие в 1976 г. Это был достаточно емкий в плане информации сборник, состоящий из более чем двухсот параграфов, объединенных в разделы. Мы в основном руководствовались первым разделом, который назывался «Вооруженные силы СССР и оборона страны». В нем содержалось всего одно, но весьма жесткое требование относительно освещения темы Афганистана: «Запретить показывать участие любых воинских частей ВС СССР в боевых действиях по защите СССР и других государств после 1945 г., а также оказание помощи иностранным государствам». Говоря другими словами, строгое цензорское табу касалось не только афганских событий, под запрет попадало и участие наших военнослужащих в боевых действиях в Корее, Вьетнаме, Анголе, Мозамбике, Эфиопии.

Помимо Перечня, у нас действовала инструкция. Кто ее разработал и утвердил – остается загадкой, поскольку документ в виде машинописного текста был без обычных в таких случаях подписи и даты. Скорее всего, инструкция была плодом коллективных усилий цензурных органов разных уровней, решивших таким образом регламентировать творческие усилия журналистов по освещению афганской темы. О дате ее появления можно судить опять же по записям в рабочей тетради. В частности, нижеприведенная инструкция была роздана сотрудникам газеты на редакционной летучке 7 февраля 1983 г.

Согласно этому документу, «публиковать материалы в газете «Фрунзевец» по ограниченному контингенту советских войск, находящихся в Афганистане, запрещалось». Таким образом, в ход была пущена тактика, связанная с замалчиванием и односторонним освещением целого ряда явлений общественной жизни и имеющая давние корни в нашей журналистике и литературе. Вместе с тем «разрешалось публиковать под рубрикой «Письма из Афганистана» материалы:

- о посещении частей и подразделений руководителями партии и правительства, различными делегациями ДРА;
- об оказании помощи местному населению в хозяйственных работах и в ликвидации последствий стихийных бедствий подразделениями не выше роты, о случаях героизма и мужества, проявленных при этом советскими военнослужащими;
- о проведении совместных мероприятий партийно-политического и культурно-массового характера, о различных контактах советских воинов с воинами вооруженных сил и гражданским населением ДРА;
- о несении внутренней и караульной службы в подразделениях;
- об организации и проведении занятий и учений по боевой подготовке, в том числе отработке действий в горах;
- об использовании вертолетов для перевозки грузов и личного состава;
- об интернациональных связях с местным населением;
- о размещении военнослужащих в полевых условиях (палаточных городках);
- о награждении советских и афганских военнослужащих правительственными наградами;
- о помощи советских военнослужащих в проведении сельхозработ (посевной кампании);
- о наличии в ДРА только мотострелковых, танковых и парашютно-десантных частей и входящих в них подразделений без показа участия их в боевых действиях».

Каждый из этих пунктов сопровождался устными оговорками, которые сужали и без того узкое информационное пространство благодатной темы, ориентировали журналистов на искусственное искажение реальной картины происходящего «за речкой». Например, можно было рассказывать о награжденных военнослужащих, но при этом запрещалось описывать их боевые подвиги. Катего-

рически запрещалось показывать реальные боевые эпизоды, а гибель военнослужащих – и подавно. Когда в октябре 1984 г. под Бараки-Барак погиб наш сослуживец – военный журналист Валерий Глезденев, мы оказались бессильными сказать правду о своем товарище. Гибель была под запретом – и точка!

Такие ограничения были, по существу, зеркальным отражением политики партийно-государственного руководства, зафиксированной в том же приложении № 6, что не лучшим образом отражалось на содержании газеты: страна воюет, сотни, а порой и тысячи людей ежедневно отправляются на реальные боевые задания, но о войне никто не говорит, даже газета воюющего округа.

Как же на деле работала военная цензура? Здесь уместно выделить две ее традиционные формы – предварительную и последующую. Такая двухэтажная система сложилась исторически и позволяла эффективно контролировать как средства массовой информации, так и самих цензоров.

Предварительную цензуру в газете «Фрунзевец» осуществляли военные цензоры штаба Туркестанского военного округа. Работа цензоров была организована таким образом, что ни один номер окружной газеты не подписывался в печать без их разрешительного штампа, по которому при необходимости легко было определить, кто допустил выход номера. Бывало, исправления в содержание материалов вносились буквально за минуты до подписания номера в свет.

То есть на этапе выпуска номера газеты выверялось каждое слово. Но сказать, что цензоры работали топорно, не решусь. Да, перечни были их повседневными рабочими документами, но чаще всего они не просто запрещали, ревностно выполняя свои должностные обязанности, а предлагали способы обхода цензурных препон.

Этап предварительной цензуры завершала отправка контрольного экземпляра газеты в Москву.

Последующая цензура была выборочной и осуществлялась цензорами Генерального штаба. Случалось, окружные цензоры пропускали материал, не подвергнув должному контролю. Такой либерализм нередко заканчивался серьезной начальственной выволочкой из Москвы в адрес наших цензоров и редакции.

В этой связи вспоминается случай, когда автору было поручено обобщить опыт воспитательной работы в 58-й отдельной автомо-

бильной бригаде. Собрав необходимую информацию в штабе соединения, батальонах, я отправился с колонной в рейс через высокогорный перевал Саланг. Впечатления легли в основу материала, который был опубликован в двух номерах газеты и отмечен редколлегией как лучший в номере. А спустя полтора месяца пришел разбор публикации из Москвы. Материал был буквально испещрен красными пометками столичных ревнителей цензурных норм. В вину редакции вменялось раскрытие системы индивидуально-воспитательной работы при проводке колонн в Афганистане. Досталось на орехи и окружным стражам газетных полос, проморгавшим цензурные «ляпы».

В данном случае материал, который шел под рубрикой «Письмо из Афганистана» и за подписью-псевдонимом, местные цензоры пропустили, а вот московские оказались начеку и оперативно указали на просчеты, то есть сработала дублированная система контроля.

Редакторскую цензуру, на наш взгляд, следует заменить на *редакционную*, поскольку она способна бросить тень на личность редактора. Дескать, перед нами ретроград, поставленный партией для осуществления охранных функций, чтобы из-под печатного станка выходили только тщательно выверенные фразы. Между тем, если случались проколы, то на ковер вызывали именно редактора, который нес персональную ответственность за соблюдение цензурных норм вверенной ему редакции. Дабы не допускать подобного, члены редакционного коллектива стремились уладить все спорные вопросы заранее.

Любому газетчику известно, что материал, прежде чем попасть на газетную полосу, проходит целый ряд процедурных этапов: корреспондент сдает его начальнику отдела, тот, подредактировав, – в секретариат. Там, в свою очередь, материал читают литсотрудник и ответственный секретарь. До набора с материалом знакомится редактор или его заместитель. Вопросы относительно соблюдения норм цензуры могли возникнуть на каждом из этих этапов. Если такое случалось, то решение по правке материала вырабатывалось опять же совместными усилиями и, как правило, с участием автора. Таким образом, редакционную цензуру следует рассматривать как возможность солидарных действий, посредством которых происходила артикуляция коллективной заботы о недопущении нарушения цензурных норм.

По несобственному желанию

Обычно с *самоцензурой* связывают систему ограничений, налагаемых автором на самого себя в стремлении предупредить или обойти претензии со стороны цензуры, которые легко предсказуемы. В сущности, каждый из нас в те годы был частью партийно-государственной системы производства и контроля публичной информации, предназначение которой состояло в том, чтобы в информационном пространстве появлялась и существовала только та информация, которая соответствовала духу системы. И каждый был носителем внутреннего цензора, воспитанного и выпестованного системой.

Как действовал механизм самоцензуры? Мы, журналисты, заранее знали цензурные запреты относительно освещения афганской темы. Кроме того, нам были известны основные ограничения, касающиеся всей военной тематики. Знание – великая сила, так как помогает найти нужные слова, обороты, способные раскрыть тему и минимизировать риски цензорского вмешательства. Следовательно, активность умственных действий при написании материала направлялась не только на творческую разработку темы, но и на умелое лавирование между цензорскими барьерами. При работе над материалом эти действия выполнялись подсознательно, так как стали навыком, автоматическим действием. И чем опытнее был корреспондент, тем большим числом приемов обхода цензурных запретов он владел и тем благоприятнее были условия для публикации материала.

Надо понимать, что никто из нас не был рьяным сторонником действовавших цензурных ограничений, но нахождение в плену существовавших представлений об устройстве общественной жизни делало каждого носителем внутреннего цензора.

На всякое ядие имеется противоядие

В целом высокая степень ответственности за освещение афганских событий, которой всегда отличался редакционный коллектив «Фрунзевца», вызывала столь же высокую интеллектуальную и творческую активность журналисткой мысли, провоцировала журналистов на поиск путей обхода частных и общих запретов, создавала особую питательную среду для развития профессиональных способностей каждого. Речь не шла о политической оценке войны, а лишь о том, чтобы писать о войне, освещать хотя бы изредка

боевые эпизоды, будни тех, кто служил на афганской земле. Но и это было делом не из легких.

Со временем в газете, кроме рубрики «Письмо из Афганистана», появились рубрики «Строки из политдонесений», «Школа боевого опыта», «Боевая слава туркестанцев», «Доблесть, мастерство, отвага», которые родились из потребности донести информацию о буднях 40-й армии до наших читателей и давали возможность для творческого маневра. Например, под рубрикой «Школа боевого опыта» можно было писать об особенностях вождения боевой техники, организации связи, поражения артиллерийским огнем, нанесения бомбо-штурмовых ударов в горно-пустынной местности, но без прямой привязки к Афганистану. Рубрика «Боевая слава туркестанцев» предполагала материалы очеркового плана, описание внутреннего мира героев, их высокой духовности.

Еще один путь – публикация собственных материалов военных журналистов под псевдонимами. Логика такого приема была проста, но срабатывала. Если официальная позиция состояла в том, что ограниченный контингент советских войск не имел никакого отношения к ТуркВО, то корреспонденты окружной газеты не могли бывать «за речкой». В данном случае псевдоним позволял скрыть факт командировки штатного журналиста в Афганистан. Так, автор этих строк публиковал свои материалы под псевдонимом «В. Чертков», к слову официально закрепленном в членском билете Союза журналистов.

Стремление обойти цензурные барьеры рождало особый метафорический язык. В публикуемых материалах возводились ажурные словесные конструкции, призванные скрыть, завуалировать боевые действия. Не уверен, что только цензура повлияла на умение «фрунзачей» рядить полученные впечатления в литературно-словесные одежды, но факт остается фактом: свои добротные книги по афганской тематике издали наши сотрудники Николай Махно, Владислав Стуловский, братья Андрей и Сергей Дышевы, Алескендер Рамазанов, а также наши постоянные военкоры Николай Бурбыга, Сергей Гуляев, Николай Иванов, Андрей Пунько, Григорий Солонец, Николай Стародымов, Сергей Тютюник.

Вместе с тем случались и нелепости. Особенно от вериг цензуры страдали боевые эпизоды. Эмпирические подтверждения этого в изобилии разбросаны по газетным полосам «Фрунзевца». Так, периодически публиковались материалы, герои которых за меткое подавление огневых точек в учебном бою ... награждались боевы-

ми орденами и медалями. Мы понимали всю пагубность такой интерпретации войны, но сделать ничего не могли, поскольку именно таких лукавых и почти анекдотичных подходов требовала цензура. В данном случае мы уповали на информативность не только текста, но и контекста. Оставалось надеяться, что читатели самостоятельно раздвинут паутину цензуры и между строк прочтут то, о чем напрямую не сказано.

Не последний вопрос, на который следовало бы дать ответ: как относились к таким подходам наши читатели? Если коротко, то с пониманием. Ведь все выросли при советском режиме и политико-идеологические запреты впитали, что называется, с молоком матери, а потому понимали, что направленность освещения войны разрабатывалась не в Ташкенте, а диктовалась с московского политического Олимпа. Отдельные упреки в непредоставлении объективной информации, конечно, звучали, но, в целом, народ, не избалованный свободой слова, относился к нашей работе с пониманием. По крайней мере, я никогда не встречал резко отрицательного отношения к печатному слову, к журналистам.

Важным для понимания отношения читателей к газете является и тот факт, что у «Фрунзевца» были подписчики в других округах, что для военной печати было беспрецедентно. Очень часто ими становились те, кто прошел Афганистан, «болел» Афганистаном и досконально усвоил эзопов язык отражения военной ситуации на страницах газеты. Такие, как говорится, читали между строк. Для нас же факт наличия подписчиков в других округах являлся своеобразным сигналом того, что потребности наших читателей в информации удовлетворены.

С трудностями в освещении афганской войны сталкивались не только окружные газетчики. В большой прессе тоже существовали запреты, но и возможностей для более широкого показа будней ограниченного контингента наших войск было куда больше. Например, в «Красной звезде» достаточно оперативно публиковались очерки о тех, кто удостаивался высокого звания Героя Советского Союза. Такие материалы служили своеобразным сигналом для нас: все, дескать, можно, фамилия «засвечена», так как быть первооткрывателями звездных имен нам не полагалось.

В этой связи вспоминается один характерный случай. В 1985 г. журналистские пути-дороги занесли меня в Кандагар. Командир дислоцированной здесь 70-й мотострелковой бригады с порога выдал новость: командиру десантно-штурмовой роты старшему

лейтенанту Игорю Запорожану присвоено звание Героя Советского Союза, завтра офицер убывает для получения высокой государственной награды. Я тотчас разыскал мужественного офицера, взял интервью, поговорил с его сослуживцами. Вернувшись в Ташкент, с ходу предложил материал в газету. Но цензор поставил категоричное условие: ждать, пока о новоявленном Герое скажет центральная пресса.

В дивизионных газетах, которые выходили в Афганистане, цензурный надзор был еще жестче. Особенность его организации состояла в том, что предварительную читку полос осуществлял один из офицеров штаба соединения. Цензорские функции он выполнял по совместительству, то есть штатного цензора в звене «дивизия-бригада» не существовало. Зато последующая цензура была как минимум двойной – в лице армейского и окружного цензоров. Иногда красным карандашом по полосам «дивизионок» (а таковых в Афганистане было аж пять!) проходили и цензоры из Генштаба.

Вот как описывает «смирительную рубашку» цензуры бывший сотрудник газеты 201-й мотострелковой дивизии «За честь Родины» Алескендер Рамазанов: «Про то, что солдат служит в Афганистане, писать нельзя. Об участии в боевых действиях – ни слова. Что ранен – нельзя. Что отбился на дороге от «духов», вывел из-под огня машину – нельзя. Погиб – ни слова! Десантника показать нельзя (нет в Афгане десантуры!). А что можно? Боевая учеба и караульная служба в Н-ской части. Еще можно было перепечатывать статьи из окружной газеты и «Красной звезды» о том, как ограниченный контингент советских войск в Афганистане помогает братскому народу восстанавливать дороги, школы и мечети, разрушенные душманами» (2008: 51).

Сам собой напрашивается вопрос: а может, и не нужны были такие газеты, все содержание которых, от первой до последней строчки, контролировали директивные органы? Ответ, без сомнения, утвердительный: нужны, еще как нужны! Тот же Рамазанов так отзывается об окружной газете: «И все же «Фрунзевец» делал свое дело. Хоть эхом, хоть тенью, но давал знать о том, что в Афганистане идет война» (2008: 257).

Не стоит сбрасывать со счетов и воспитательный эффект выступлений газеты. Ведь это была одна из ведущих функций военной прессы. Да, мы тоже вносили свою посильную лепту в воспитание военнослужащих, готовых самоотверженно выполнять

интернациональный долг в далеком и чужом краю. Собственно, в этом и состояла политическая роль газеты воюющего округа и показатель профессионализма ее сотрудников, понимаемый как умение квалифицированно выполнять поставленную задачу. Но мобилизационный потенциал военной печати мог бы быть еще выше, если бы политическое руководство страны проявило понимание ситуации и ослабило требования цензуры.

Заключение

Подводя итог сказанному, следует отметить, что в 80-е годы прошлого века, когда в Афганистане находился ограниченный контингент советских войск, в стране существовала общегосударственная система цензуры. Она представляла собой социальный институт со своей внутренней иерархической структурой, высшую ступеньку которой занимала цензура политическая.

Документальные источники, исследованные нами, позволили показать нормативно-правовую базу цензуры, конкретные требования в отношении освещения в СМИ миссии советских войск в Афганистане. Они отражали реальный идеологический подтекст той поры и действовали в комплексе. Ключевым элементом в иерархии документов были цензурные требования верхнего политического уровня, властно определявшие диапазон публичного освещения войны в Афганистане. Как установлено, цензура в рассматриваемый период имела тенденцию к некоторому послаблению, однако значительной эволюции цензорские запреты не претерпели, круг вопросов, о которых разрешалось писать, оставался слишком узким.

Военная цензура была составной частью общей системы цензуры и активно участвовала в реализации цензурных мер по афганской тематике. По отношению к военным изданиям ее работа строилась по классической «двухэтажной» схеме. Кроме того, военные цензоры должны были просматривать и визировать материалы о буднях ограниченного контингента советских войск в Афганистане, подготовленные журналистами гражданских изданий. Это дополнительно гарантировало нераспространение правдивой и полной информации о событиях в Афганистане, но явно выходило за рамки усилий по обеспечению неразглашения военной тайны.

Таким образом, совокупная деятельность цензурных органов обеспечивала реализацию политико-идеологического контроля за

тематикой и содержанием СМИ. Как следствие, в течение почти десяти лет правда о пребывании советских войск в Афганистане, их участии в боевых действиях, включая проведение масштабных военных операций, была скрыта от общества.

В обстановке тотального контроля за содержанием СМИ военным журналистам было трудно объективно отражать афганские события. Они стали заложниками системы, хотя стремились писать правдивые и честные материалы о войне, показывая героизм и доблесть наших солдат и офицеров. Для обхода цензурных требований использовались различные приемы подачи информации, что находило понимание у читателей и формировало нужное для успеха военно-политической миссии 40-й армии общественное мнение.

В целом результаты рассмотрения цензурной практики в период афганской войны, по убеждению автора, имеют не только познавательно-теоретическое, но и конкретно-практическое значение. Они четко указывают на то, что прежняя модель цензурирования не должна повториться ни при каких обстоятельствах. Вероятно, содержательное наполнение массовых информационных потоков в наше неспокойное время должно происходить с акцентом на апробированные формы работы с корреспондентами, в том числе в зоне боевых действий, когда только-только идет сбор информации. И все меньше должны использоваться запретительные методы, способные ограничивать активное выражение гражданской и профессиональной позиции журналистов, создавать барьеры на пути информирования общественности.

Примечания

[1] См. подр.: *Макаревич Э. Ф.* Филипп Бобков и Пятое управление КГБ: след в истории. М.: Алгоритм, 2015.

[2] ХАД – орган, аналогичный нашему КГБ.

[3] Царандой – Министерство внутренних дел Афганистана.

Библиография

Баландин Д. Курьезы цензуры // Русская старина. 1911. № 10. С. 191.

Блюм А. В. Советская цензура в эпоху тотального террора. 1929–1953. СПб: Академический проспект, 2000.

Бондарь В. О. Военная цензура периодических изданий в Российской империи в XIX – начале XX века: автореф. дис. ... канд. истор. наук. Владикавказ, 2012.

Горяева Т. М. Политическая цензура в СССР. 1917–1991 гг. 2-е изд., испр. М.: Фонд первого президента России Б. Н. Ельцина, Росспэн, 2009.

Гринченко Н. А. История цензурных учреждений в России в первой половине XIX в. // Цензура в России: история и современность. 2001. Вып. 1. С. 15–46.

Жирков Г. В. История цензуры в России XIX–XX вв.: учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 2001.

Иванов Д. В. Формирование военной цензуры России 1810–1905 гг.: автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 2000.

Козлов А. В. История советской военной журналистики (1945–1991 гг.): моногр. М., 2007.

Левченко И. Е. Становление системы советской цензуры. Екатеринбург: Ажур, 2014.

Лемке М.К. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. М.: Либроком, 2011.

Ляховский А. А. Трагедия и доблесть Афгана. М: Исконна, 1995.

Макушин Л. М. Цензурный режим и журналистика: от «чугунного» устава 1826 г. до закона о печати 1865 г.: в 2 кн. Екатеринбург: Изд-во Уральск. ун-та, 2009.

Масягин К. В. О моей работе в цензуре // Цензура в России: история и современность. СПб, 2008. С. 309–316.

Немирович-Данченко В. И. Год войны (Дневник русского корреспондента): 1877–1878. Т. 3. СПб, 1879.

Погодин М. П. Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны. 1853–1856. М., 1874.

Рамазанов А. Война затишья не любит: Роман. М.: Эксмо, 2008.

Рейфман П. С. Цензура в дореволюционной, советской и постсоветской России: в 2 т. М.: Пробел-2000, 2015.

Тимофеев В. И. О политической цензуре в период войны в Афганистане // Социально-гуманитарные знания, 2018. № 8. С. 313–320.

Феоктистов Е. М. За кулисами политики и литературы, 1848–1896. Воспоминания. Л.: Прибой, 1929.

Энгельгардт Н. А. Очерк истории русской цензуры в связи с развитием печати (1703–1903). СПб, 1904.

References

Balandin D. (1911) Kur'ezy cenzury [Curiosities of Censorship]. *Russkaya starina* 10: 191. (In Russian)

Blyum A. (2000) *Sovetskaya tsenzura v epokhu total'nogo terrora. 1929–1953* [Soviet Censorship in the Era of Total Terror. 1929–1953.]. Saint-Petersburg: Academic Avenue Publ. (In Russian)

Bondar' V. O. (2012) *Voennaya cenzura periodicheskih izdanij v Rossijskoj imperii v XIX – nachale XX veka: avtoref. dis. ... kand. istor. nauk* [Military Censor-

ship of Periodicals in the Russian Empire in the 19th – Early 20th Century: extended abstract of PhD hist. sci. diss.] Vladikavkaz. (In Russian)

Engel'gardt N. A. (1904) *Ocherk istorii russkoj cenzury v svyazi s razvitiem pechati (1703–1903)* [An Essay on the History of Russian Censorship in the Light of the Press Development (1703–1903)]. SPb. (In Russian)

Feoktistov E. M. (1929) *Za kulisami politiki i literatury, 1848–1896. Vospominaniya* [Behind the Scenes of Politics and Literature, 1848–1896. Recollections]. Leningrad: Priboj. (In Russian)

Goryaeva T. (2009) *Politicheskaya tsenzura v SSSR. 1917–1991 gg.* [Political censorship in the USSR. 1917–1991]. Moscow: the Foundation of the First President of the Russian Federation B. N. Yeltsin, Rosspen Publ. (In Russian)

Grinchenko N. A. (2001) Istoriya cenzurnyh uchrezhdenij v Rossii v pervoj polovine XIX v. [A History of Censorship Institutions in Russia in the First Half of the 19th Century]. In *Cenzura v Rossii: istoriya i sovremennost'* [Censorship in Russia: History and Modernity]. Pp. 15–46. (In Russian)

Ivanov D. V. (2000) *Formirovanie voennoy cenzury Rossii 1810–1905 gg.: avtoref. dis. ... kand. istor. nauk* [The Early Development of Military Censorship in Russia in 1810–1905: extended abstract of PhD hist. sci. diss.] Moscow. (In Russian)

Kozlov A. (2007) *Istoriya Sovetskoy voennoy zhurnalistiki 1945–1991 gg.: monografiya* [A History of Soviet Military Journalism: monograph]. Moscow. (In Russian)

Levchenko I. E. (2014) *Stanovlenie sistemy sovetskoj cenzury* [The Early Development of the Soviet Censorship System]. Ekaterinburg: Azhur. (In Russian)

Lyakhovskiy A. (1995) *Tragediya i doblest' Afgana* [The Tragedy and Valor of Afghanistan]. Moscow: Iskonna Publ. (In Russian)

Makushin L. M. (2009) *Cenzurnyj rezhim i zhurnalistika: ot «chugunnogo» ustava 1826 g. do zakona o pechati 1865 g.* [The Censorship Regime and Journalism: From the "Cast Iron" Statute of 1926 to the Press Law of 1865]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'sk. un-ta. (In Russian)

Masyagin K. V. (2008) O moej rabote v cenzure [On My Work in Censorship]. In *Cenzura v Rossii: istoriya i sovremennost'* [Censorship in Russia: History and Modernity]. Saint-Petersburg. Vol. 4. (In Russian)

Nemirovich-Danchenko V. I. (1879) *God vojny* (Dnevnik russkogo korrespondenta): 1877–1878 [A Year of War (a Russian Correspondent's Diary): 1877–1878]. Vol. 3. SPb. (In Russian)

Pogodin M. P. (1874) Istoriko-politicheskie pis'ma i zapiski v prodolzhenii Krymskoj vojny. 1853–1856 [Historical and Political Letters and NotesDuring the Crimean War. 1853–1856]. Moscow. (In Russian)

Ramazanov A. (2008) *Voina zatish'a ne lybit: Roman* [The War Hates the Lull: a novel]. Moscow: Eksmo Publ. (In Russian)

Rejfman P. S. (2015) *Cenzura v dorevolyucionnoj, sovetskoj i postsovetskoj Rossii* [Censorship in Pre-Revolutionary, Soviet and Post-Soviet Russia]. Moscow: Probel-2000. (In Russian)

Timofeev V. (2018) *O politicheskoi tsenzure v period voini v Afganistane* [About Political Censorship During the War in Afghanistan]. *Social'no-gumanitarnie znaniya* 8: 313–320. (In Russian)

Zhirkov G. V. (2001) *Istoriya cenzury v Rossii XIX–XX vv.: uchebnoe posobie* [A History of Censorship in Russia in the 19th-20th Century: study guide]. Moscow: Aspekt Press Publ. (In Russian)

Поступила в редакцию
09.11.2018